ВЛАДИСЛАВ МИКОША

Я останавливаю время

Керченский десант

Тамань, Керчь, 1943, сентябрь

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди, теплые, живые,
Шли на дно, на дно, на дно...
Александр Твардовский

Замкнулось кругосветное кольцо, я снова на своей земле, я снова на берегу Черного моря в разбитом, сожженном Новороссийске, только что отбитом у врага. Я пробую вспомнить и, как в машине времени, вернуть этапы драматических мгновений того безвозвратно ушедшего времени, что так волновало, тревожило. Время... Неумолимое время — шагающее, плывущее, летящее и неведомое...

Не успели оглянуться, а война отстреляла два года и расстреливает третий. Время в своем стремительном движении вперед теряет на пути пережитые события, и они, как вехи истории, замирают в веках на страницах книг, полотнах живописи, в миллионах метров кинопленки, снятых нами — фронтовыми кинооператорами...

Кинохроника — машина времени: может отработать назад и воскресить пережитое. Вот они, вехи истории: оборона Одессы, Севастополя и Кавказа, горящий Архангельск, трагические рейсы караванов с конвоями вокруг света, пылающий Лондон и сверкающая беспечная Америка. Время затеряло в пути пережитое, а мы можем теперь воскресить его для размышления, чтобы никогда не забыть и не дать повториться...

Я дома. На своей горячей от боев земле, среди своих друзей. Только наш шофер Петро не вернулся из Севастополя.

Шел сентябрь 43-го, и дорога неумолимо вела нас к Черному морю, к Тамани. А там впереди — Крым, Севастополь...

Немцы с колоссальными потерями откатывались к Керченскому проливу. До самой Тамани наши части гнались за ними по пятам. Вместе с нашими танками на всем ходу ворвались мы в Тамань. Стояла жара. Пыль, поднятая гусеницами и колесами, долго не оседала. Солнце гасло в облаках пыли, как в пасмурный день.

Мы снимали следы поспешного бегства врага. Немцы построили через пролив подвесную канатную дорогу, но наши самолеты разрушили ее. У берега колыхались на легкой волне разбитые транспорты. Волны прибили к берегу трупы немецких солдат. Летняя прогулка к Черному морю обошлась Гитлеру в четыреста тысяч солдат и офицеров. Таковы были потери врага в битве за Кавказ...

Окончание. Начало см.: 2005, № 5.
Фрагменты книги Владислава Микоши «Я останавливаю время», которая готовится к печати в издательстве «Эксмо-Алгоритм».

Потом был штурм Эльбинга, тяжелые бои в Восточной Померании. Преследование врага днем и ночью. Потом длительная осада города и крепости Грауденц, где были блокированы пятнадцать тысяч вражеских солдат и офицеров, штурм и взятие крепости. Это был февраль 45-го. И опять жесточайшие бои. Фашисты на своей территории дрались отчаянно и жестко. Гитлер стремился удержать Померанию любой ценой.

Март расквасил дороги, закрыл небо плотным серым одеялом, рассыпал щедро мелкий пронизывающий дождик. Мы рвались к Данцигу. Во второй половине месяца начало пробиваться солнце. В такой солнечный день я снимал освобождение Цоппота, потом Гдыни. А когда в конце месяца мы вплотную подошли к Данцигу, снова небо плотно затянулось низкой серой облачностью. Бои за эти три города, как бы бывшие продолжением один другого, были особенно кровопролитными, и потому взятие Данцига — главного опорного пункта Восточной Померании — было для нас особенно радостным.

Эльбинг (Померания), 2-й Белорусский фронт. В.Микоша снимает в порту. 1945, февраль

Я снимал старинный город, разрушенный боями, верфи Шихау с готовыми к бегству немецкими подводными лодками, нескончаемые колонны пленных, немецких беженцев, разбивших свой лагерь на площади перед Артусовым дворцом.

Потом мы снимали перегруппировку войск — фронт торопился к началу Берлинской операции.

Здесь, около городка Грайфенхаген, при форсировании Одера, я был ранен. Война в Европе для меня закончилась в теплый апрельский день.

Уже в глубоком тылу, в Москве, куда меня доставили с фронта, я часто просыпался ночью от собственного крика: во сне мне виделся залитый лунным светом заснеженный лес и в полной тишине — жуткая картина нашего ночного рейда...

И лишь в подсознании — не совмещенные с картиной сна — скрежет танков и хруст, хруст, хруст...

Только теперь я понимаю: передо мной предстал самый жуткий и самый точный образ того, что есть война.

Конец второй мировой

Япония, 1945, сентябрь

Представь себе тот
Неимоверный грохот,
Когда обваливается система,
Которая гнала на фронт
Мириады солдат.

Итаки Цумумото

Золотые перья гигантской Жар-птицы запылали на горизонте. Плывет под нами земля — теплая, живая. Мы летим на восток. Москва — Токио. Бесконечно длинный, незримый след чертит наш самолет. Далеко внизу, как на географической карте, проплыли реки-сестры Шилка и Аргунь. Амур — таежный океан Уссурийского края. Проплыла и оборвалась жемчужной нитью прибоя наша земля. Ни облачка. Только монотонный гул моторов подтверждает наше движение вперед.

Япония капитулировала. Мы летим на церемонию подписания капитуляции. Но оружие сложили не все рода войск. Отдельные части истребительной авиации во главе с самураями-смертниками продолжали дерзкие налеты в знак протеста против капитуляции. Нам предстояло пересечь Японское море и выйти на восточное побережье Тихого океана.

Испытанные и бывалые шутники-остряки, рассказчики анекдотов и страшных историй вдруг замолчали, притихли. Все, кто имел возможность, прилипли к узким иллюминаторам нашей «каталины».

— Внимание! Внимание! Слева по борту истребители!.. Японцы заходят в хвост! — доложил командиру стрелок-радист.

Щелкнули затворы спаренных «эрликонов», и стволы уперлись в цель.

— Не открывать огня! — скомандовал в последнюю минуту командир «каталины» капитан Цурбанов.

Черные черточки, стремительно вырастая, неслись на нас. Почему командир не стал стрелять?.. Не надо будить зверя... Бесполезно... Их так много...

— Испытывают нервы! Может, сорвемся, откроем огонь! Тогда...

Все впились широко открытыми глазами в стремительно надвигающиеся самолеты... Мгновение... и... ничего... Живы, не горим, не падаем...

— Внимание! Внимание! Справа по борту истребители! — снова доложил стрелок-радист.

Черт знает... Капитуляция. Конец войны. И вот на тебе... Три японских звена истребителей начали опасную карусель вокруг неуклюжей «каталины». Сделав несколько боевых пике, заходов и виражей вокруг нашего самолета, японцы так же стремительно, как возникли, исчезли, нырнув в густое облако.

Трудно было поверить в счастливый исход, и все напряженно ждали нового появления.

— Что это — только игра? Демонстрация своего превосходства или...

— Как кошка — поиграла с мышкой и съела! Вернутся или нет?

Пока шли эти разговоры, под нами пошла береговая линия Японии. К напряжению, которое ничуть не ослабело, прибавилось любопытство. Впервые Япония предстала перед нами. Какая она?

...Мы приземлились на японском аэродроме, занятом американцами.

Не успела «каталина» замереть на месте, как к открытому люку подскочили два юрких «виллиса», облепленных офицерами и солдатами. Встреча союзников была бурной, эмоциональной и радостной. После бурного обмена приветствиями приступили наконец к деловым разговорам.

Объяснить цель нашего прилета было куда труднее, чем найти этот военный аэродром. Но когда из люка выпрыгнули операторы московской кинохроники с кинокамерами, все сразу стало на свое место.

— Ньюс-Риал! Рашн камерамен! Уэлкам!.. Добро пожаловать!

Вскоре мы узнали, что приземлились недалеко от Йокагамы в Ацуги. Когда окончательное знакомство состоялось и взаимные восторги, удивления и вопросы пошли на убыль, мы попросили доставить нас в ставку генерала Макартура.

Все было необычно. Капитуляция еще не подписана, а шофер-японец вез

нас в Йокагаму. В старом автобусе не было ни одного стекла. Нас окружали тропики. Нагретый воздух был напоен незнакомыми сладкими ароматами и звенел от несмолкаемого оркестра цикад. Наш автобус, насквозь пронизанный горячими струями ветра, мчался с бешеной скоростью, и мы не были уверены, что целыми доберемся до Макартура.

Стало совсем темно, когда кончились сельские джунгли, и мы незаметно въехали в город. Кое-где сквозь маскировку прорывался яркий свет. Постепенно зажигались уличные фонари, их сохранилось очень мало. Черными скелетами торчали разрушенные здания. Неясные тени сновали по мрачным улицам большого портового города.

Выехав на набережную, автобус остановился у большого дома с золотой вывеской «Банк».

— Прошу выходить! Это ваша резиденция! — открыв дверцу автобуса и низко кланяясь, сказал по-английски улыбающийся шофер.

Здесь же были расквартированы американцы.

— Что там? Шабаш ведьм? — спросил по-русски руководитель нашей группы Миша Ошурков у улыбчивого шофера.

— Йес! Йес, сэр!.. — Шофер, человек непонятного возраста, согласно кивал головой и низко кланялся.

— Это как раз то, что нам надо, ребята! Пошли! — рассмеявшись, сказал Михаил Федорович, и мы вошли в дом.

Наверное, никогда раньше банк не напоминал цыганский табор так, как в этот вечер, накануне капитуляции Японии.

Здесь танцевали, пили, пели, дрались, обнимались и обливались слезами, целовались. Тут менялись трофейным оружием. Меняли его на кимоно и всякие причиндалы интимного дамского туалета. Двухметровый детина мулат пел, подтанцовывая, легкомысленные куплеты, захлебываясь от удовольствия, иллюстрируя песенку непристойными телодвижениями и жестами длинных рук. Под аккомпанемент банджо несколько матросов за неимением дам танцевали экзотический, как у нас говорят «шерочка с машерочкой», танец.

Подписание Акта о капитуляции Японии на борту американского линкора «Миссури». От Советского Союза Акт подписывает генерал-лейтенант К.Н.Деревянко. 1945, 2 сентября

Другая часть обитателей банка, переутомившись, расположилась на ночлег.

— Ребята, получите вон у того губастого негра пайки и постельное белье с москитными сетками-пологами, а заодно и раскладные тюфяки. Завтра очень трудный день. Такое предстоит — не представляете! Подкрепитесь и отдыхайте! Подъем в пять! Часы переведите по токийскому!

Пайки были в аккуратных непромокаемых коробках — завтрак и ужин.

— Не так вкусно, как мало! — сказал с серьезным видом Ошурков.

— А теперь на бок, ребята, спокойной ночи! Как говорят наши союзники, «гуд найт эврибоди!» Пока!

Это самое «гуд найт эврибоди» звучало в банке до самого рассвета.

...Раннее утро 2 сентября 45-го года застало нас, фронтовую группу кинооператоров советской кинохроники, на пирсе Йокагамского порта. Нам, как и другим представителям международной прессы, предстояло поставить точку и слово «конец» в истории второй мировой войны.

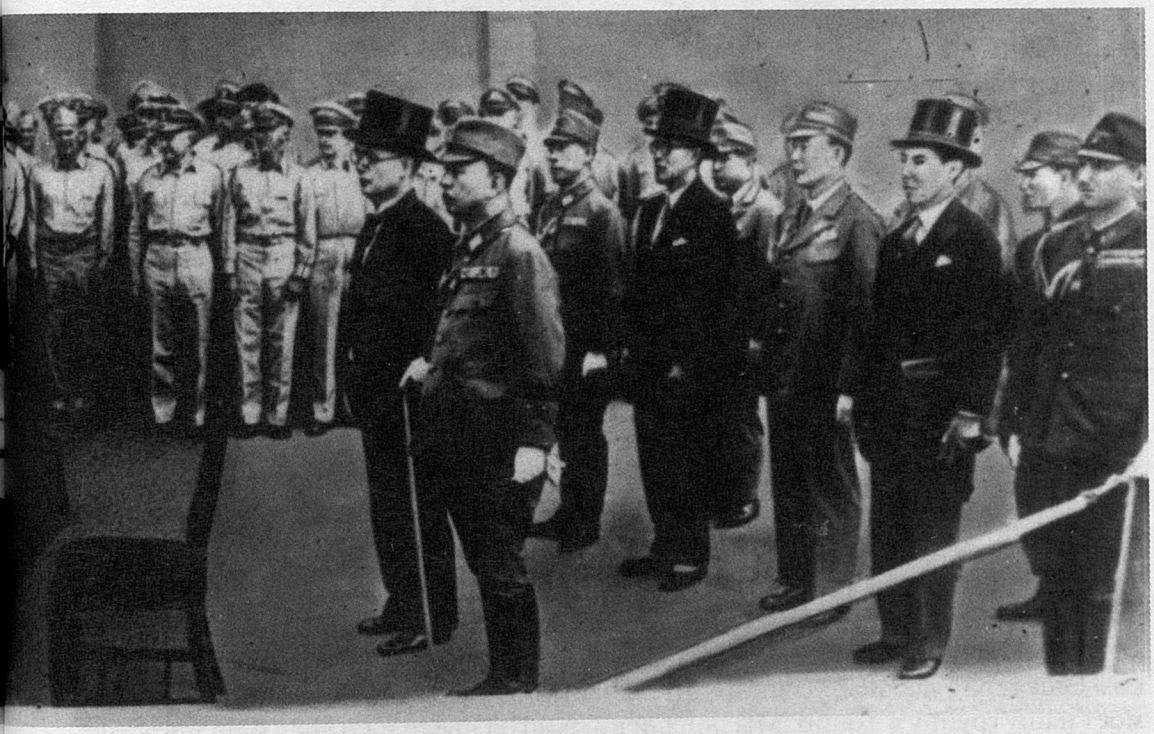
Нас всех, а собралась здесь целая армия международных журналистов, кинохроникеров, посадили на английский эсминец и доставили в Токийскую бухту.

В центре дуги живописно изогнутой бухты, как огромная наковальня, возвышался линкор «Миссури». Его словно окружал рой москитов — голодные рыбаки и горожане Токио на маленьких лодчонках выпрашивали у команды хлеб и сигареты.

Американский боевой линкор стоял у японской столицы на виду. День был яркий, солнечный, и как сияющая корона сверкала над Токио священная гора Фудзи. И не было в городе ни одного человека, который не видел бы линкора «Миссури» и не знал, что на нем происходит.

Грозным монументом на фоне голубой бухты выглядел линкор «Миссури» — олицетворение могущества и авторитета союзников. Во все стороны смотрели многочисленные стволы орудий, а на многоэтажных палубах, боевых рубках, башнях и реях, сверкая крахмалом формы «раз», разместилась многочисленная команда корабля.

«Представление» еще не началось, а зрители уже заняли лучшие места — согласно своему рангу и положению. Предпоследними поднялись на высокий борт линкора мы — международная пресса. Прессе, как мы и предполагали, выделили самые неудобные для съемки места и чрезвычайно короткое время для их освоения.



И все же пять фронтовых кинооператоров из Москвы — М.Ошурков, М.Посельский, М.Прудников, А.Сологубов и В.Микоша — приступили к съемкам главного ритуала конца второй мировой войны — подписания капитуляции Японии.

Не успели мы как следует устроить себя и аппаратуру и утвердиться на своих неудобных и шатких съемочных точках, как к борту линкора подвели небольшой катер с членами японского правительства. Всем нам бросился в глаза высокий, в цилиндре, с тростью в одной руке и с небольшой папкой в другой, министр иностранных дел Японии Сигэмицу. Он выделялся среди небольшой группы японской

делегации не только своим ростом, элегантностью и манерами профессионального дипломата, но и железным хладнокровием.

Японцы черной стайкой, блестя лацканами смокингов и цилиндрами, с военными в светлой форме поднялись с катера по главному трапу на нижнюю палубу. Сопровождающий их американский офицер подвел капитулянтов к вертикальному трапу. Подняться без помощи рук наверх, где предстояло подписание капитуляции, не представляло никакой возможности. Вот здесь, на этом трапе выдержка и невозмутимость покинули Сигэмицу. Обе руки заняты. Вместо одной ноги — протез, результат первой мировой войны. Самоуверенность пропала. Пот залил лицо. Министр переложил неудобную папку с документами под мышку правой руки, оперся всем телом на трость, достал левой рукой носовой платок и снял с головы цилиндр, намереваясь стереть с лица градом катившийся пот, но рук для этой сложной операции явно не хватало. Он снова надел цилиндр и пока вытирал пот, выронил папку. Поднимая папку, Сигэмицу уронил трость, и если бы его не поддержали, он бы упал. С большими трудностями ему удалось подняться по предательскому отвесному трапу на верхнюю палубу.

Эту сцену снимали все операторы и описали в ярких красках журналисты всего мира. Шум от съемочных камер и щелканье затворов фотокамер был потрясающим аккомпанементом заранее подготовленному для японцев сюрпризу с преодолением препятствий. Наконец трап был «взят», и японская делегация плотным черным пятном застыла на отведенном в стороне от стола месте.

...Пять ритуальных «минут позора» выстояла она.

За столом заняли свои места генерал Д.Макартур и адмирал Ч.Нимиц, представитель Советского Союза генерал К.Н.Деревянко, представители других союзных держав.

Макартур вынул из кармана несколько паркеровских ручек и положил на стол. Каждый подписавший документ о капитуляции Японии мог взять себе на память историческую ручку.

Сама церемония подписания длилась недолго. Все было разыграно, как в театре. Любопытных зрителей было более чем достаточно. Снимать было трудно — я почти висел в воздухе под спасательной шлюпкой, а кроме того, меня всячески старались столкнуть вниз дружески настроенные представители прессы союзных держав.

Когда последняя подпись была поставлена и высокие представители союзных держав поднялись из-за стола, грянул, как гром, военный оркестр, усиленный мощными динамиками. Он оглушил Токийскую бухту веселым маршем. Над линкором «Миссури», как тайфун, пронеслись черной тучей в полном беспорядке и в несколько эшелонов американские истребители. Громыхнула туча и унеслась, выкручивая пируэты высшего пилотажа — иммельманы, бочки, петли...

Ритуал закончился. Черное лакированное пятно японцев, оставленных без всякого внимания, перекатилось через борт и исчезло в отверстии катера, а нас, прессу, отправили обратно в Йокагаму.

Команды Макартура оккупировать Токио еще не было, поэтому желание каждого из нас, репортеров, было скорее проникнуть в столицу поверженной Японии. Попасть в Токио можно было только одной дорогой — через реку по единственному мосту, охраняемому со стороны Йокагамы усиленным отрядом «милитари полис», а со стороны Токио японскими автоматчиками.

Вся пресса в нетерпении ждала сигнала, чтобы ринуться в Токио. Мы и сами не совсем поняли, как нам повезло. Поздно вечером на машине с красным флажком Ошуркову удалось, усыпив бдительность обоих кордонов, перебросить через мост нашу группу в Токио. Мы попали в Токио на несколько дней раньше вступления американской армии.

Наутро мы торопились запечатлеть столицу до соприкосновения ее с победителями. Японцы смотрели на нас, советских офицеров, с нескрываемым удивлением. Одни, улыбаясь, старательно кланялись в пояс, военные чинно козыряли, оглядываясь нам вслед. Некоторые замирали на месте в недоумении, дрожа от ярости, поедая нас немигающими глазами, сжимая в руках оружие. И нам иногда приходилось прятать свое волнение за визиром работающей камеры.

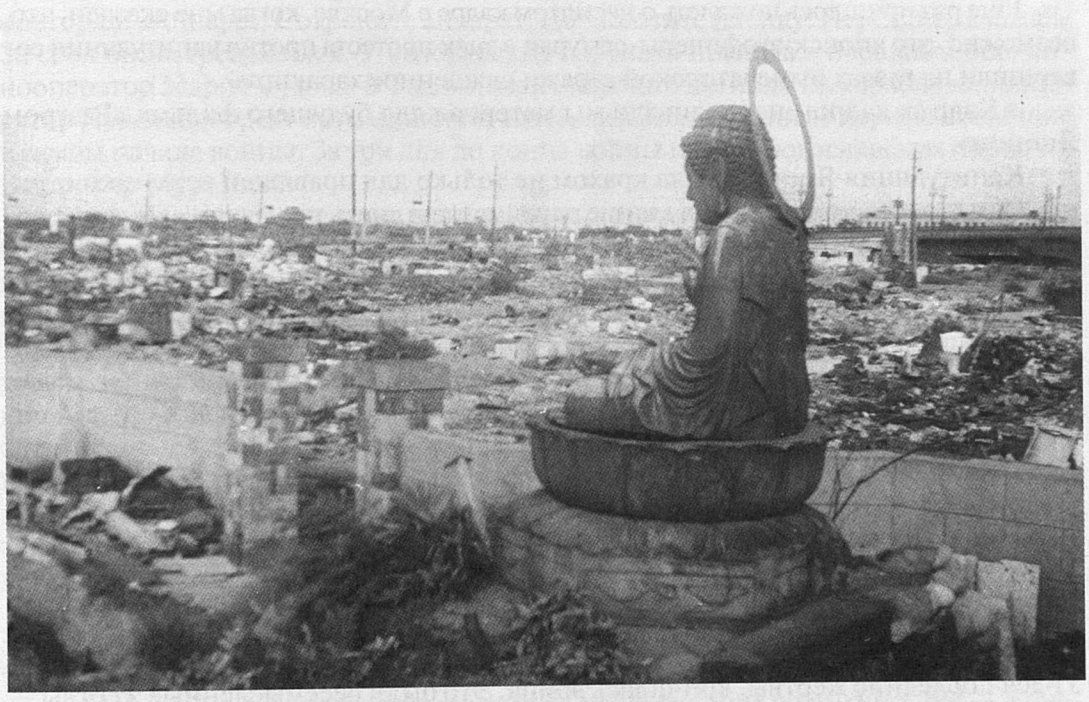
Перед нашими камерами возникли огромные районы наполовину сожженно-

го, наполовину разрушенного некогда прекрасного города. Только каменный центр — Сити — пострадал сравнительно меньше других районов.

Столица побежденной Страны восходящего солнца на каждом шагу поражала нас смешением азиатского и европейского, древнего и современного, разбитого и уцелевшего, а также удивительными контрастами в облике и жизни людей, в их поведении и отношениях между собой. На фоне чудом уцелевших роскошных особняков, храмов и дворцов особенно бросалась в глаза крайняя нищета и бедность населения. Не только на окраине, но и в центре столицы встречались почти нагие мужчины в рваных и грязных набедренных повязках. Женщины, худые, изможденные, в широких черных штанах, рылись в руинах в поисках пропитания. Только японские офицеры в чистой элегантной форме были странным контрастом на мрачном фоне черных пустырей и обугленных руин.

Всюду, где бы мы ни снимали — на море, в порту, на берегу канала, на лодках и мостах, — сидели от восхода до заката дети, женщины, старики с удочками и рыболовными снастями, для них это была единственная реальная возможность не умереть с голоду. Всюду, кроме Сити, вдоль улиц перед каждым домом зияли щели и траншеи. В них отсиживались при налетах американской авиации горожане. Теперь жители спешно превращали их в грядки для овощей.

Начав снимать вместе, мы, сами того не желая, соприкоснулись с жизнью города, разбрелись, и каждого из нас понесли уличные потоки в разных направлениях. Узкая улица из руин вывела меня на огромное пепелище. Посередине рвов и буераков, головешек и пней, траншей и щелей, засыпанных пеплом, возвышалась огромная статуя Будды. Трудно представить себе, что здесь творилось в момент сотворения этого невообразимого хаоса, а Будда, будто насмехаясь над бренностью мира, безмолвствовал, возвышаясь над руинами.



Разрушенный Токио. 1945, сентябрь

«Как ему удалось уцелеть?» — думал я, снимая закопченного, почерневшего, но улыбающегося бога. Сгорели вековые деревья, рассыпалась чугунная ограда парка, закипели и испарились бассейны фонтанов... Горький запах пожарищ першил в горле, ветер бренчал похоронную мелодию запустения на покореженной жести от крыши деревянной пагоды.

Так, передвигаясь от одного снятого кадра к другому, я незаметно дошел до центра города. Он почти сохранился и был в основном европейским, а потому и назывался Сити. Американцы его пощадили. Вдали передо мной открылся императорский дворец, обнесенный древней стеной и глубоким рвом с прозрачной водой и золотыми рыбами. Я снял общий вид площади с мостом, перекинутым через ров.

Неподалеку от моста, напротив закрытых в стене ворот на зеленом газоне привлекли мое внимание лежащие и сидящие в странных позах люди.

«Что здесь могло произойти?» — подумал я и, быстро подойдя вплотную, вскинул «Аймо». В тот же миг я услышал совсем рядом хорошо знакомый холодный лязг затвора и резкий гортанный окрик: «Оэ!»

Не понимая, что произошло, я инстинктивно отнял «Аймо» от глаз. Прямо передо мной, как из-под земли, вырос японский солдат. Как я его раньше не заметил? За ним стояли другие. Направив на меня короткий ствол карабина, он замер со взведенным курком, расстреливая меня взглядом холодных немигающих глаз. Я не знаю, что случилось бы, если бы моя камера заработала секундой раньше...

Так мы стояли друг против друга, он с поднятым оружием. Я растерялся. Снимать? Нет! Уходить? Но как?.. Холодный пот струйками скатился по лбу и щекам. Не отводя взгляда от тяжелых глаз часового, я опустил «Аймо». Он стоял окаменевшей глыбой. Ни один мускул на его смуглом лице не дрогнул. Медленно повернувшись, я пошел прочь...

Длинным, бесконечным показался мне путь до угла площади, и, только завернув за угол на улицу, я облегченно вздохнул. Мушка карабина часового наконец перестала сверлить мой затылок.

Что там произошло? Почему мне не дали снимать? Почему я не снял издали телеобъективом? Эти вопросы не давали мне покоя. Я отлично понимал, что не снял что-то очень интересное и невосполнимое...

К вечеру я снова вернулся на это место, но площадь была пуста. Часовых перед воротами не было, только почерневшие пятна крови еще раз напомнили мне жуткое ощущение, испытанное утром...

Еще раз пришлось пожалеть о неснятом кадре в Москве, когда мне сказали, что, возможно, это японские офицеры-самураи в знак протеста против капитуляции совершили на глазах императорской стражи священное харакири.

...Кадр за кадром накапливали мы материал для будущего фильма «Разгром Японии».

Капитуляция Японии была крахом не только для правящей верхушки страны. Нам удалось проникнуть в здание парламента и снять последнее заседание военного кабинета Японии. То, что мы увидели, трудно назвать собранием здравомыслящих людей. Парламент напоминал драку на бирже в момент падения акций.

Капитуляция Японии так и осталась в моей памяти крахом крупного банка немногочисленных держателей акций войны...

Товарищи мои

1945, сентябрь

Мир наступит, землю согревая,
Унося артиллерийский дым...
Все, что мы сейчас переживаем,
Мы воспоминаньям отдадим...

Михаил Светлов

Унеся последние жертвы, кончилась война. Это были бессмысленные жертвы — жертвы Хиросимы и Нагасаки.

Скреплена подписями представителей союзных держав последняя во второй мировой войне капитуляция. Пока мы, фронтовые кинооператоры, снимали оставленные войной следы в Токио и его окрестностях, один из нашей группы — Михаил Прудников — отснял еще дымящиеся руины и жертвы Хиросимы. Судьба оказала ему милосердие, и радиация миновала его.

Калейдоскоп последних событий, уходя в прошлое, еще кружил голову, и воспоминания нагромождались одно на другое, навсегда оставаясь в памяти. Следы, шрамы на обожженной земле и в сердцах миллионов людей. Шрамы Сталинграда, Хиросимы, которым не суждено зарасти никогда. Никогда в истории...

Мы летим домой. Под нами руины огромного Токио, в стороне сверкает на солнце вечными льдами священная гора Фудзияма. Непривычное спокойствие

овладело нами. До дома далеко — впереди Владивосток, а до Москвы добрых девять тысяч километров. Есть время подумать, вспомнить, осмыслить и прошлое, и настоящее.

Как жить? С чего начать?

Теперь, когда войны больше нет, особенно хочется, оглянувшись на пройденное, вернуться назад и подытожить, осмыслить прожитое. Под нами, как на карте, проплывает Сибирь, мирная, не тронутая войной. Мы летим над Сибирью многие часы, и нет ей конца, а мысли вновь возвращают меня в Севастополь, и вижу я его чистым, светлым, не разрушенным. И как бы заново просматриваю фильмы, в создании которых я принимал участие: «Героический Севастополь», «День войны», «Черноморцы», «Битва за Кавказ», «Битва за Севастополь», «В логове зверя», «Померания», «Разгром Японии»... Это этап пройденного мной пути — малая частица труда нашего «цеха» — двухсот пятидесяти фронтовых кинооператоров, из которых каждый пятый остался на поле боя — рядом с солдатами... Я помню их всех. Они были моими товарищами. Героические страницы вписаны в историю не только снятыми ими кадрами, но и самой их жизнью, ее последними мгновениями. В присланной на студию коробке со снятой кинопленкой, оператор Николай Быков писал: «В Бреслау во время съемки уличного боя осколком снаряда был убит кинооператор Владимир Сущинский. На поле боя снять его я не мог — был ранен этим же снарядом». Через несколько дней прислал на студию снятую пленку оператор М.Арбатов с аннотацией к снятому материалу. Среди перечисленных эпизодов такой: «Перебегающий с кинокамерой Николай Быков. Убитый Быков, около него камера». Не прошло и нескольких дней, как пришло извещение: М.Арбатов погиб в бою.

При съемке форсирования канала Донау в Вене под густым огнем от разрыва мины погиб кинооператор Семен Стояновский. Смертельно раненный, он повторял: «Аппарат! Сохраните аппарат! Не засветите пленку! Передайте в штаб!» За себя он не тревожился. У белорусских партизан погибла в неравном бою кинооператор Мария Сухова. В Таллинской операции погибли на корабле кинооператор Павел Лампрехт и его ассистент Анатолий Знаменский — первые погибшие в самом начале войны. За три дня до конца войны погиб у югославских партизан Владимир Муромцев.

Всех невозможно перечислить — это отдельная книга о подвиге кинооператоров, стоявших во время Великой Отечественной войны рядом с солдатами, о моих товарищах, чьим оружием была лишь кинокамера, которую они сжимали в руках до последней секунды — как винтовку.

Я иду по дороге памяти... Разве могли мы, фронтовые операторы, снимая ужасы войны и радость победы, представить себе, что пройдет несколько десятков лет и оставленные нами запечатленные мгновения войны день за днем — три миллиона метров отснятой кинопленки, как «машина времени», дадут возможность не только нам, живущим на земле, вернуть историю назад — к любому из этапов войны, но и далеким потомкам нашим взглянуть на события, которые так далеко остались позади, и сделать единственно правильный вывод: это никогда больше не должно повториться.

Пройдет не один десяток лет, прежде чем я и мои сверстники — участники этой войны — поймем, что это был наш звездный час. Этот парадокс, наверное, трудно осознать тем, кто не пережил войну, и предвоенное время, и послевоенное... Мы не только жили те четыре года на пределе своих возможностей — и физических, и нравственных, и духовных, — но мы еще уважали себя, чувствовали, что судьба страны зависит от нас — от каждого в отдельности. Может быть, это было заблуждением, но это было прекрасное заблуждение, которое помогало не только выстоять каждому, но помогало выстоять — стране.

Трудности восстановления нас не пугали, потому что мы осознали и свою ответственность, и свои силы.

Мы возвращались домой в надежде, что жизнь будет прекрасная и светлая...

Публикация Джеммы Фирсовой

В материале использованы авторские фото- и кинокадры Владислава Микоши и фотографии из архива Д.Фирсовой.